

**Гайдай и Гребешкова
на первомайской демонстрации.**

Он нагибается ко мне и ахает:

— Нинок! Да ты ничего не видишь! Как же ты живешь?

В Таджикистане на приеме он видит балерину:

— Нинок, посмотри, какая!

Наверное, он стал мне уже как сын, не знаю... Мне хотелось, чтобы ему было хорошо. И я подхожу к ней. И говорю:

— Вот там стоит напротив длинный в очках — он хочет пригласить вас потанцевать, но стесняется — пригласите его сами, пожалуйста.

Смотрю — она идет и приглашает его. А Леня весь расплылся.

Миша Бовин, который стоял с нами, мне говорит:

— Я все видел! Таких хитрых женщин я не встречал!

“У ДЕТЕЙ РУКИ, А НЕ РУЧКИ!”

Мы прожили с ним уже четыре года... И вот я сообщаю ему, что у нас будет ребенок. И он сказал: “Ну что же... Надо, так надо”. Хотя у нас еще ничего не было своего.

Леня вообще любил детей. И Оксана жила с нами как любимый ребенок. Как и положено дочке артистов, ездила на съемки. Но не больше. Леня не тащил ее в кино (и в результате она стала экономистом). Он странный человек. Например, у нее завтра экзамен в 10-м классе. Я ложусь спать — она сидит и всю ночь готовится. Я встаю под утро — он с ней играет в карты.

— Да вы что, обидели! В пять утра! У тебя завтра экзамен!

— Мама, я должна отдохнуть.

И это отец! Хоть стой, хоть падай.

Или вот: мы пять лет выбирали собаку. Леня хотел большую. Я — маленькую. Оксанка — породистую. Был полный раздрай во мнениях. И вот Оксанке одноклассник подарил щенка. Они с Леной пошли за ним. Я кричала им вслед — только не кобеля! Принесли на ладошке маленького фок-

стерьера Ричу. Ночью просыпаюсь — свет на кухне.

Леня спит сидя, нога вытянута, на ней спит щенок. И так продолжалось три ночи. Пока я не пошла на рынок и не купила коробку. Вырезала в ней дырку, настелила тряпку и поставила к батарее — там Рича нашла свой дом.

Леня был такой нежный. Внимательный. Но ненавидел сюсюканье.

— Иди помой ручки, — говорила я дочке.

Он поправлял: — Почему ручки? Руки. Это его раздражало.

КОМУ СВЕЧКА?

Я пыталась с ним сориться, но он такой хитрый — никогда не поддавался на провокации. А ведь когда ты первый раз назовешь человека дураком — этот уровень в семье устанавливается навсегда. Леня никогда не опускался до такого уровня. Я не успевала произнести оскорбительного слова:

— Нет, ты выслушай меня, ты понимаешь...

— Я не хочу видеть тебя в таком состоянии.

И уходил. И ссора затихала...

И еще. Он ненавидел сплетни. Когда я говорила про кого-то, что этот человек отвратительный, гадикий, подлец, он тоже пытался убежать от разговора. Я неслась вслед:

— Ты послушай!

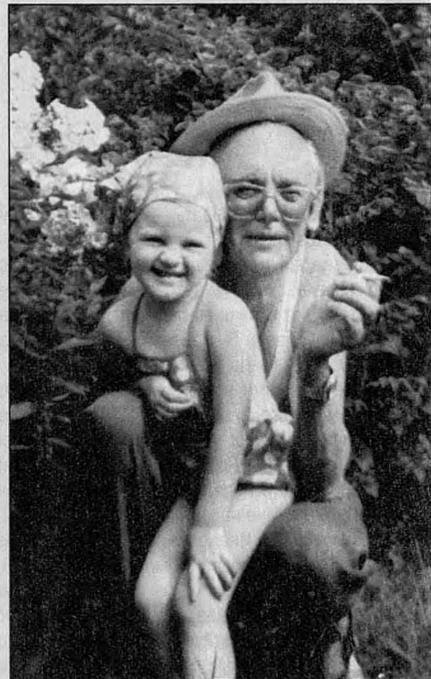
— Ну хорошо. Не приглашай его в гости. Не пей с ним чай. Ну не убивать же его!

Он не шел на конфликт. Хотя делал все что хотел. Мое счастье в том, что я поняла, что его переделать не только невозможно, но и не нужно. Он такой родился — со своим эксцентричным мышлением, восприятием мира, отношением к людям. При этом — с большим почитанием традиций, корней, родителей. Например, у его матери дома висела икона Николая Угодника. В любом городе, если мы шли в церковь, — он выискивал эту икону и обязательно ставил свечку. Коммунист! И никогда ничего не объяснял. Я думаю, он ставил свечку не святому, а маме, всему роду...

“НЕ КОРЫСТИ РАДИ!”

По тем временам он казался состоятельным человеком.

Например, в 58-м году мы купили за 120 тысяч кооперативную квартиру. Чтобы собрать эти огромные деньги, я снималась на студии в Алма-Ате — там больше платили. В “Беспокойной весне” и “Ботагозе” у меня были главные роли. И вот внесли тридцать

Гайдай с внучкой Олей на даче. 1985 год.

процентов, а потом все деньги уходило на кооператив. Въехали с одной раскладушкой и книжным шкафом.

А “Двенадцать стульев” вообще были его мечтой. И судьба послала ему этот шанс. Сначала съемки разрешили Дanelии, но он не стал — отдал Гайдаю. И Гайдай с таким восторгом, упоением начал работу! Ильф и Петров были в числе его любимых авторов, которых он без конца перечитывал. После съемок остались знаменитые стулья. Там ведь было два гарнитура. Жестоко порублен был полосатый, вспорот и сломан светложелтый. Но осталось четыре запасных стула. И Леня переживал, что они пропадут. Но в хозрасчетном объединении была возможность их выкупить, что он и сделал. Теперь они стоят у нас в кабинете.

Такой вот подарок-напоминание. Вообще подарки он любил делать. От маленьких до больших. Например, всегда дарил шикарные французские духи “Ма гриф”. Тогда их вообще нельзя было достать. И когда он летал за границу — покупал их в самолете. Сейчас мне их дочка дарит из последних сил.

Или машина. Я ведь уже тридцать лет за рулем. Машина появилась у нас после “Двенадцати стульев” — в объединении Чухрая платили с проката. Леня прекрасно водил, но я, конечно, сразу захватила автомобиль. Первая машина у нас была “Жигули” второй модели. Сейчас у меня “13-а”, это помесь первой с одиннадцатой.

Юбилейное настроение. Ноябрь 2000 года. Нине Павловне Гребешковой — 70 лет. Рядом самые близкие — дочь Оксана, внучка Ольга, кошкAPERСЯНКА Глория (она же Глаша).

Ольга ЧУМАЧЕНКО